

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского перекрёстка, д. № 6, Тел. 1-89-13.

Рукописи принимаются, написанные на машинке или чисто от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
из-во «Молодая Гвардия»

Продолжение всех строк, следите!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На год — 24 ном.	4 руб. 10 коп.
• 6 • — 6 •	29 •
• 3 • — 6 •	1 •
1 • — 2 •	15 •
Отдельный №	24 •

Подпись приемлема Отдела Periodических
Изданий из-ва «Молодая Гвардия».
Москва, новая площадь, д. № 68.

№ 12

1926 г.

Х О З Я Е В А

Л. ГУМИЛЕВСКИЙ,
иллюстрации В. ЕФАНОВА

Анна-стянула со своей краинки озяло, насичула яю на сизя с золотой и уселись возле Натальи, как в шалаш...

(Продолжение)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Очень короткая

СУРОК до торопясь и приглядываясь к рельсам, встретил, прошел узенькими переулками фабричных поселков и, перейдя плато желтой дороги, направился через черную плоскость к желтым огонькам пивной.

Там было душно, мрачно, накурено. Сурок огляделся и, не найдя свободного столика, сел за первый попавшийся из свободный стул. Сприншил пива, он посмотрел на своего соседа и сквозь усыхах:

— Очень приятно! Не узнаете?

Старик-матропер, медленно тянувший пиво из глиняной для него специально державшейся бутылочки, кружки, посмотрел на Сурка и мотнул головой:

— Не помню.

— И самое лучшее!

— Работали на мануфактуре у нас?

— Работали!

Андрей Карлович не заметил его усмешливых улыбок, помочивши с определенным ленивым:

— Теперь где работаете?

— Своем маленьком детям имене!

— Ой! — сказал тот, — самое занималущее.

Андрей Карлович за ежедневной своей кружкой пива слышал обрывою о родных самарских степях, вспоминал тихое, чистое детство в богатой избе и, не замечая, начинил думать во-немецки. Тогда перейти сразу на русский он не мог и часто коверкал слова, не замечая этого.

— Слышишь, — помолчавши, заметил Сурок, — смысли я о смешном приключении у вас на фабрике. Простая девка и, можно сказать, за нос дожиной мужиков водила столько времени!

Он расхохотался. Андрей Карлович подвигал нависшими бровями и вдруг насупился.

— Гораздо грустнее, чем смешно!

— Ой! — подразнил Сурок, — кому как! Нам со стороны смех, а вам, конечно, невесело...

Андрей Карлович допил пива и, покачав голову:

— Лицо его стало гримасой. Он взглянул на привинченную к столу лампу подавальца из ряда столовиков, за которыми перед ним сидели бутылками, склоняясь подперев руками ломатые головы, как в нефтеборзовом горе, сгущались десятки здоровых людей неистовое дрезенование гармоники.

Андрей Карлович пошел, не взглянув на Сурка. Тот фыркнул ему вслед:

— Это уж известно: что русскому здорово, то немцу смерть!

Он только открыл столовик, широко глаза на темные утесы, как оттуда, в дыму, пробираясь между склонившимися рядами кружужных столовиков, подошли к нему двое. Они поздоровались, присели рядом. Сурок велел дать пива. Тогда все выпили, и он спросил просто:

— Что, Пахомов, товар есть, что ли?

Лысенький, маленький и юркий человек отставил свой стакан, отер лысину, вздохнул:

— Вот у Павлушка кое-что...

— А у тебя, Никита Никитич?

— Ничего. Заговорится придется. Теперь нам Наташа всем заговорится.

Павлушка хихинул. Сурок кинул прозрительно:

— Что же ты, тоже с животом ходить собирался?

— Партийных к нам в отделение напустить решили...

— Что они — следить будут?

— Следить, не следить, а дух уж не тот в отделении будет! Знаем мы!

Сурок усмехнулся. Павлушка, завистливо рассматривавший дутую золотую цепочку на жилете Сурка, отглянулся на Пахомова:

— Не так странен чорт, как его малютки!

С умом у него, народ!

— Уж Наташка ли без ума делала!

Значит без ума, когда соседкам доверились!

— Тут брату родному довериться нельзя!

— Верно! — поддакнула Сурок, — правильно.

Павлушка усмехнулся:

— А такое придумали, вроде Наташкиного, любого-дорого! Шука-девичка...

— От кипящего кипятка спрячешься! — вдруг зареворал Никита. — Нохунь — дохунь не дает, сунухи находит. Подумаешь, тоже власть какая.

Никита Никитич сидел долго, покачивая лысой головой, отжимавшей от хмеля. никто его не слушал. Сурок пошутил с Павлушкой, рассплетались и ушел за перегородку, в таинственное отделение пивной, куда не всех пускали.

Гармоника ремела, павлушка кул пиво, Никита Никитич, зевнувши, громкоопоил, головой и, разводя языком, вытихнул.

Сурок же вышел из поселку, по постоялому избушке, спрятавшись за углом и вошел в подъезд соседней избушки. В коридоре было темно; пошатываясь и хватаясь за стены, Сурок зажег сигару и нашел свою дверь не без труда.

Он равнодушно прошел мимо тялого окна, свернув за уголок и вошел в подъезд соседней избушки. В коридоре было темно;

пошатываясь и хватаясь за стены, Сурок зажег сигару и нашел свою дверь не без труда.

Он достал ключ, но спичка погасла. Он долго искал замочную скважину, выругался, переломал десяток спичек, и, наконец, зажегши одиннадцатую, повернул ключ и широко раскрыл дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О ч е м и н о г д а д у м а е т р а б о т尼 ца, к о гд а е щ е с п и т с я

Ф АБРИКИ работали в две смены. Ночами фабричный поселок, находившийся в фабричные здания светились огнями; в уличных лампах висели сигнальные фонари. После посложной сказки под ногами тихонько вздрогнули в такт дрожавшим и бившимся, казалось, где-то в земле—машинам. Мерный гул их стоял в воздухе круглые сутки, как дым над фабричными трубами.

В общежитии, от близости к фабричному корпусу, стекла беспрестанно звенели. Нужно было крепко устать за день, чтобы не тревожиться гулами вздохами машин. Сначала, здесь, действительно, крепко; если же просыпались, старались лежать недвижно, чтобы не тревожить других.

Кровати стояли в простенках окон, близко друг к другу. Их разделяли только маленькие столики. Все привыкли вставать в одно время, просыпаясь от гудка, как куры от вслепеска краильев сторожевого утра петуха.

Так Анина, не заснув с вечера, лежала молча в кровати и смотрела открытыми, исподозионскими глазами в потолок. Там огни горячими темпериями лежали перед зеркалами решетки крошечного палиссадника перед зданием. Иногда мимо него проходили люди—тогда на потолке двигались черные тени, за которыми с любопытством следила Анина.

Хриплые часы пробили двенадцать. Анина звонухула, но не закрыла глаз. Какой-то тенью пробежала взор вперед, мимо палиссадника, то останавливалась у калитки, то уходила прочь.

«Кто бы это?»—подумала она.

Тень, в которой можно было уже угадать женскую фигуру, вдруг стала расти, приближаясь к окну. Анина встала неслышно и, отдернувшись занавеску, посмотрела в окно.

— Наталья!—почти вскрикнула она.

Та не слышала, но, точно узнав, кинувшую головой. Анина накинула пальто и вышла, прорыгая между крохоткой в коридор. Наталья еще из двери, пока Анина осторожно поднимала краинку краинку глухо:

— Пустяк, нечего доказывать, где-нибудь!

— Иди! Иди! Что ты делаешь?

Наталья вышла и остановилась.

— Ушла я из него, Ани!

— Ну и хорошо сделала!—Она втолкнула в коридор девушку и заперла дверь,—Видно! Кропот рядом с моей свободной. Варвара в отпуск уехала. Ночур!

— Аня, что он со мной наделал-то!

— Ну, знаю, слышала.

Она шла за нею по темному коридору, спотыкаясь в ухабах асфальтового пола.

— Сидела тут в машинном отделении. Не начинать там. Данька ушел, и я ушла.

— Данька там? Вот не знала, как он мне нужен-то!

— Зачем, —спросила я, бессознательно.

— Ах, у меня дело есть... Иди, ты тоже.

Наталья не нужно было говорить. Она прошла тишина Ани и, не кропотясь, кропотила ее.

— Ани, зачем я ушла—из-за кого?

— Сломилась—ушла!—сухово, отрезала Анина, раз揉зила вернулась. Рядом, лежала...

— Ты что сама-то не спишь до сих пор?

— Думала...

— О чём это?

Анина ступила со своей кровати одеяло, наступила его на себя с головой и уснула, вздохнула, как в шапашке.

Слушай, Наталья, что я думаю-то: ведь можно же к вершину батана такую планку приделать, вроде скобки, такой же длины, как вершинки...

— Зачем же это...

— Чтоб членок не выпадал!

Наталья посмотрела на нее с любопытством и даже на минуту перестала вздрогивать и прислушиваться к почной тишине за окном.

— Тебе-то что за дело?

— Как, что за дело? И у меня тоже выпадает. На всех стаканах одно и то же. Сколько портят сколько хлопот. Я бы сколько больше выработала...

— Да ты сделаешь, что ли, работаешь?

— При чем тут сделаешь?

— Так тебе не все равно, сколько ты вырабатываешь?

Анина отвернулась от нее и покачала головой;

— Больше наработаешь—лучше жить будем, Наталья!

— Да тебе-то прибавки не будет.

— А фабрике будет...

— Да ты на фабрике хозяйка, что ли?

Анина вздрогнула, рассмеялась.

— А кто же ей хозяин, как не мы с тобой?

Наталья замерла, прислушиваясь и дрожала.

Анина тронула ее руку.

— Что ты все слушаешь? Что ты дрожишь?

Придет он за тобой, что ли?

— Нет, не придет!—почти вскрикнула Наталья, —не!

— Я с тобой болта, а ты не слышишь даже...

— Нет, я слышу!—ответила она та вдруг,—нет, смысла в том, чтобы говорить? А на деле—также опять на три слова! Передают, а ватерции три стороны. Все говорят...

Анина выпрямилась головой из под одеяла и пристально осмотрела подругу.

— Ты же ничего не знаешь, а говоришь?

Почему ты лягала лицо исцарапано?

Наталья отвернулась.

— Подпиралась с нашей однод...

— Наталья!

— Пусть не доносит...

Анина сжалась и замотчала, вспомнив вдруг все.

Она сжалась и замотчала, вспомнив вдруг все.

Наталья сжалась и замотчала, вспомнив вдруг все.

— Ну, пацанша-то по-бабьему зачем было...

Наталья схватилась за грудь, точно зажимая там крик, и, утихнувшись в подушку, заплакала, всхлипывая, как ребенок.

— Черт ты, что ты?—заплакала над ней Анина.

— Черт, —сказала Анина, —Хуже всякой, самой последней с ини-ми словами...

В заслуженных словах, в заслуженных рифмами и вздохами, едва уловимы Анина их смыслы. Она наклонилась к подруге молча, лаская ее и шепча тихие, пустые слова утешения.

Наталья притихла.

Вдруг в тишине как-то иначе, чем всегда, зиянула стекла, затрепетала тюлевая занавеска и сквозь самые стекла как будто проник страшный грот и гул, похожий на неожиданный обрывок весеннего грома.

Наталья вскочила и впилась в руку другу.

— Слышила?

— Ну, слышу. Что это?

Она отошла к окну. На белых улицах, облитых молчком сиянием фонарей, было тихо. Но из калитки через улицу и за угол скользнула взвешенная тень, лицо ночного сторожа.

— А что это такое?.. Где?

— Ничего, ничего! Не знаю! Может в машине...

Наталья приподнялась и вдруг опустилась на постель с тихим стоном. Анина подошла к ней, она в каком-то диком страхе зарывалась в постель и не отвечала ни слова.

Но уже через минуту она вскочила, вдруг стала отрывать волосы, стягивать узлы сбившегося на шею платка.

Анина схватила ее руку.

— Что ты?

Она сейчас же опустилась, слабея от самой ничтожной силы, которая могла бы ее удержать.

— Узнай быв...

— О чём узнать?

— О нем... о том, что случилось...

Анина отошла от окна и вернулась тотчас же.

— Ничего не случилось... Смотри—все сияет, не слышь никого ничего...

— А я слышала!

— Ну, и я слышала. Завтра узнаем, если что случилось... Ложись, Наталья, спи, ложись...

Наталья покорно легла.

Анина с досадой вернулась на свою кровать.

Холодный, как лед, пол облег ноги. Она закрыла одеялом с головой. Стальная пластина у вершины батана представилась тогда же.

Глядя на нее с закрытыми глазами, она стала падать в сон, как в головокружительную пропаст...

— Ани!..

— Что ты?

Наталья, поколебавшись, спросила:

— Может быть это газ взорвался где-нибудь, как прошлым летом, помнишь?

— Может быть...

— А если человек близко был...

Анина поднялась и шепнула супрово:

— Не сходи с ума, Наташка! Спи!

Наталья вздрогнула и покорно отошланее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ч о р т о в о к о л е с о

ПОСТОЯЙ у двери, Городков прошелся по письменнику, окружающему обжитое, да и лежащее оставленное у крайнего окна, будь-жалко оставить пансионеру. Только никто его не осенил, не позвал, раздышал, да и пожар не подобрался.

За углом в входе в машинное отделение сидел рабочий второй смены и с необычным озабочением. Волodyка измучился—не доделал ли его Анина и, пожалуй, как будто она могла его видеть, осталась возле рабочих исключительно для того чтобы задерзаться.

— О чём вы тут?—не без начальственного снисходительности спросил он.

— А вот загляни-ка в машинное, что за

Данька натворил!

Волodyка прошел туда.

Каменные стены, каменный под гудели и дрожали. Отгромный двигатель фрикцион, ревел, свирепил. На Волodyку кто-то предстореграхнул, будь он огненяя и открыл дверь в склоне машины. Тут Данька, молодой, широкий парень, обычно одевавшийся в яркий оранжевый куртку, теплый пиджак, зеленые брюки, синие кроссовки. Он все в мозгах гудел, как с высунувшейся из черного, как дельного какого-то аппарата воронки складками, кручинами, прогорянными каплями машинного масла.

Волodyка, недоумевая, оглянулся на вонзившегося за ним и пославшего его с улицы сокогата.

— Ну и что?

— Тот хихикает:

— Фильтра, ведь, вишила!

— Какая фильтра?

— Данька мастерил!

Данька, услышав свое имя, обернулся, вспевши шапку на голове, не то клянется, не то ее опровергает. Волodyка смотрел на него внимательно и он, точно оправдываясь, сказал:

— Чта машине?

— Машинист значит, наимек да. А я, виши, себе мобилизовал, тут выпоши.

Машинист обернулся к ним, и, осмотрев подъезд с некоторым недоброжелательством, судобавил:

— В Америке за такую штуку патент быва...

— И награджение. А Данька задарма...

— А ты-то?—оторвалась Данька.

— Я к машине приставлен...

— Да, ведь, ты не виноват, что машина масжет!

Раз мажинист рассердился:

— За машинное отделение я в ответе и давен все силы на производство. А ты из слесарного...

Данька свистнул от неожиданного раздражения:

— Хватит! Да, ведь, фабрика—одно производство!

Волodyка оглядел споривших, не понимая как это можно было своей охотой работать на чужом, каким-то фильтровочном аппарате для смазочного масла без всякой для себя пользы, да еще и ставить себе это в прямую обязанность.

Он сухо спросил кочегара, указывая на апарат:

— И для чего это надо?

— Маслу фильтровать. Отработанную маслу, из-под машин. Раньше вываливали. А он фильтрующими—прикинули уж: три четырехтонные масла отходит! Огромадная фабричная будка будет.

Он засмеялся и потирая руки от удовольствия, закончил пободенно, точно в это было главное торжество:

— А мы до двух пузов за сутки расходуем!

Волodyка пожал плечами и вышел, остерожно стоялся от дверей и косынок, черных от машинной колоти и угольных рук.

— Тоже хозяин, вроде Ани!—буркнул он за дверями,—старается! Как можно так жить?—

Полудетые люди держали Сурка, затирая тлевущую одежду на жуя. Черное лицо его было гладко, безбрюко и жутко. Он бесподобно тащил кровоточащие веки и волил в ужас:

— Не вижу... не вижу...
в крест, мертвому сплючи...
В больницу скопей!

Вольолька шмыгнула носом, посмотрела с грустной надеждой на выпавшую из руки и грудь распластанной женщины и со смиходительной хозяйственностью стала распоряжаться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Свой глаз — алмаз, а чужой — стеклышко

ВТО УТРО Анна поднялась в облегчении первой и первой же явилась на фабрику. Глаза у нее горели, и губы сохли. Она прошла, тогача же к заведующему отделением и этими сухими губами, начальница начала сбивчиво толковать ему о том, как можно, по ее мнению, сделать приспособление против выпадания человека.

— Приспособление это простое, — волнуясь повторяла она, — его всякий слесарь сделает. А выработка повысится...

Заведующий был человек пожилой, осторожный служащий фабрики. Новицкость он не любил, поэтому же начальница поради считал самым главным и немножко основанием для процветания всякого дела.

Подчиненная распоряжением администрации, должен был он, однако, Анну слушать. Он ее выслушал и поднялся с места.

— Служанка ты, Рябцова, давно, а порядка не знаешь: везде вывесены ящики с надписями и плакатами, как раз аксакат для ваших заявления о всяких там изобретениях и улучшениях производств... Раз ты избрала приспособление, — улыбнулся он недоверчиво, — так вот пиши заявление, приложи подробное описание, сделай чертеж, разочти и представь все выгоды...

Анна повесила голову. Он не без торжества засмеялся:

— Заявление тво разберут, назначат комиссию, комиссия выскажет свое мнение, тогда уж, если они годятся на что-нибудь, испробуют, если выйдет по-твоему — что же, тогда и награду дадут!

Она вспыхнула. Ни разу ей мысль о награде в голову не приходила, и сейчас от заведующего, через его насыщенно шевелевавшиеся руки, показалась она обидной.

— Я не о награде вам толку, а о том, что можно так сделать, чтобы человек не вылетел. У нас с вами в этом деле интерес один...

— Очень интересно, — перебил ее заведующий, — я и прошу тебя только — поступай по положению. Когда разберут...

— Да когда ж это будет, Иван Павлович!

Он развел руками:

— Знаешь, Рябцова, потоговорку: поспешишь — людям помешаешь.

Анна ушла, ничего не добившись.

Она поднялась по железному винтовому лестнице в третий этаж, начинавшем гудеть и дрожать. На площадке она остановилась перед сизым от времени стеклом окна и, приложившись к нему, посмотрела на крыши складов, на поселок за ними и на утопающий в утреннем весенним тумане город.

— Как щука в сети: и кинулся-то некуда!

Привычно вспомнила она о Володьке, но тотчас же вчерашний вечер встал перед глазами. Анна покрасила руки листом и почувствовала, что она горяча от стыда.

— Попрощу Даньюку вытачить такую скобу и сама попробую! — решительно вздохнула она и отошла от окна.

В дверях встретилась девушка, спросила на-ходу:

— Почему вчера не была?

— Где?

— В кинематографе.

— Не хотелись.

— А Городков был?

Анна брезгливо вздернула плечами. Та по-

смотрела на нее без особого удивления и, по при-

Данька вытер маслянную руку и прогнувшись ей: «Здравствуй... Тебе что?

— Он уже остановился, повернувшись назад. Анна, не вечая, едва ли и слышала вперед.

Он скжал зубы и сказал прощеплив:

— Не хочешь, что ли?

— Не хочу.

Он, помявшись, подождал и дотянул ее.

— Почему?

— Не хочу и все тут.

— Может, я наврал про девчонок. Что ж

надулась?

Анна вздохнула и вспесилась глазами в открытую дверь машинного отделения.

— Мне нужно зайти... Хотя я с Данькой поговорить. Он тут, должно быть.

— Хозяина! — прощеплил Володька, увидев и прятнув руку, — до свиданья, коли жажду.

Он держал ее руку в своей, как прежде, и странно: Анна гордливо приняла свою. И наударила, повернувшись кругу и ушел.

Анна вошла в открытый для освежающей ветерка дверь, промыла мимо фыркающего двигателя по дрожащему моментальному полу и остроно проглядела к соседнему помещению.

Данька стояла, заложив за спину руки, и глядел на черный аппарат, струивший капельки прозрачное масло. Анна захлопнула за собой дверь, чтобы хоть несколько утишить машинные гуды. Тогда Данька оглушнулась, вытер маслянную руку по полу засаленному пиджаку и притянула к себе.

— Здравствуй! Я сейчас обсвобожусь. Тебе что?

— Поговорить бы мне с тобой...

— Да, сейчас... Он повернулся возле аппарата, точно не решаясь оставить его без сей подвернувшей гайку, подавил рыжаков, бормоча, — да, вишь ты. Все надо. Своей глаз — ахмучий — стеклился! Да иду, пойдем.

Он вытер руки куском пакли, снял маслянную шапочку и вдел пальцы. В дверях оставшись огляделись. Из машинного вернулся сказать что-то кочегару, с улици еще крикнули машинисту.

Как это прогонишь — песок мени, Андре.

Он изложил картуз и тогда уж оглядел.

— Какой твой разговор будет?

— Ну, вот, честно.

Она стала рассказывать. Он слушал не перывая, но она дважды должна была сама спереть:

— Ой, Данила, иди, погуши маленько.

Он убравши шаг, не усмехаясь с мужской

смиходительностью, на это понорвалось Анне.

Он говорила, не прячась: сначала робко, тоже

и он как Володька, должен был презрительно перебить.

Но он слушал с любопытством, покачиваясь и иногда из-под закопченной брови взглядав на нее коричневыми распахнутыми от врака и удивления глазами, — как будто проверял — Анна ли это.

— Не знаю уж, — брезгливо ответила он, — брюкрайт ззиняло...

Она посмотрела на него с любопытством и сказала не мешая:

— А чем ты занимался, Володька, вот в тих никак не могу?

— На службе служу!

— А с девками, — предположил он, — усмехаясь, — я ласкаюсь! С ними мне занимать больше нечем!

Анна вздрогнула и без знатного отстранения от

— Вчера две девочки пали в аптеку, — продолжал он, — как ты рада за себя, что не будет сожинять с своим решением.

— Хочешь, с тобой схожу, — неожиданно спохватившись, спросил он, — я тишина за тишину на ять, можно и два раза глядеть. Ко второму сажу успеем.

Он уже остановился, повернувшись назад. Анна, не вечая, едва ли и слышала вперед.

Он скжал зубы и сказал прощеплив:

— Не хочешь, что ли?

— Не хочу.

Он, помявшись, подождал и дотянул ее.

— Почему?

— Не хочу и все тут.

— Может, я наврал про девчонок. Что ж

надулась?

Анна вздохнула и вспесилась глазами в открытую дверь машинного отделения.

— Мне нужно зайти... Хотя я с Данькой поговорить. Он тут, должно быть.

— Хозяина! — прощеплил Володька, увидев и прятнув руку, — до свиданья, коли жажду.

Он держал ее руку в своей, как прежде,

и странно: Анна гордливо приняла свою.

И наударила, повернувшись кругу и ушел.

Анна вошла в открытый для освежающей

ветерка дверь, промыла мимо фыркающего двигателя по дрожащему моментальному полу и остроно

проглядела к соседнему помещению.

Данька стояла, заложив за спину руки, и гля

дел на черный аппарат, струивший капельки

прозрачное масло. Анна захлопнула за соб

дверь, чтобы хоть несколько утишить машинные

гуды. Тогда Данька оглушнулась, вытер маслян

руку по полу засаленному пиджаку и притянула к

себе.

— Здравствуй! Я сейчас обсвобожусь. Тебе что?

— Поговорить бы мне с тобой...

— Да, сейчас...

Он повернулся возле аппарата, точно не решаясь оставить его без сей

подвернувшей гайку, подавил рыжаков, бормоча,

— да, вишь ты. Все надо. Своей глаз — ахмучий — стеклился! Да иду, пойдем.

Он вытер руки куском пакли, снял маслянную

шапочку и вдел пальцы. В дверях оставшись

огляделась. Из машинного вернулся сказать что-

то кочегару, с улици еще крикнули машинисту.

Как это прогонишь — песок мени, Андре.

Он изложил картуз и тогда уж оглядел.

— Какой твой разговор будет?

— Ну, вот, честно.

Она стала рассказывать. Он слушал не

перывая, но она дважды должна была сама спереть:

— Ой, Данила, иди, погуши маленько.

Он убравши шаг, не усмехаясь с мужской

смиходительностью, на это понорвалось Анне.

Он говорила, не прячась: сначала робко, тоже

и он как Володька, должен был презрительно

перебить.

Но он слушал с любопытством, покачиваясь

и иногда из-под закопченной брови взглядав

на нее коричневыми глазами, — как будто проверял — Анна ли это.

Да, она красива, недаром на вечеринке у рабочины Мондековой парнишки все время крестились око нее.

Ее размышления прервал подошедший мастер.

— Маруся, ты наверное устала, отдохнула бы?

— Нет, товарищ мастер,—ответила Маруся,— пока мы не построим социализм, я не могу отдохнуть. Только работать!

Мастер отошел от нее, преисполненный чувством пролетарской самосознательности.

Через восемь часов Маруся шла с работы. Ее собственное платье позволяло видеть ее прекрасную шею, которую она сразу закрыла, как только заметила, что на нее смотрят.

Такое поведение окружающих взволновало Марусю. Она горько думала:

— Неужели они не могут смотреть на меня, как на равного пролетариата? Неужели они не могут понять, что мы такие же люди, с такими же правами, как и мужчины?

Это чувство заставило ее сделать доказательство на женотделе. Маруся поклонилась мать, природу, но в сущности она понимала, что надо проклинать естественный ход событий, благодаря которому опять стала женщиной.

Маруся вспомнила, что утром говорила ей крышка аккумулятора. Ей вспомнилась стройная фигура, как бы выточенные бедра, прикрытие пролетарской одеждой—спецодеждой.

По дороге она встретила Петью.

Маруся сразу стала камениной.

— Маруся,—говорил Петя,— не будь стервой, пойдем ко мне в общежитие шамат.

Эта проклятая просьба Пети растрогала ее.

Потом я пойду с тобой, но замечу смотреть на меня, как на женщину.

Пришли.

Маруся склонила с головы платок, от этого она стала еще прекраснее.

Они сидели в Петиной комнате.

Снизу доносилась песня, пролетарская песня «Кирпичики». После того, как покушали, Петя сел около Маруси.

— Маруся, брось, я люблю тебя, Маруся, ты можешь дать мне такое счастье...

Маруся до боли складывала свои сильные мозолистые пальцы. Ей было тяжело.

— Эх, если ты смотришь на меня, как на женщину—простите, что она...

— Ты прекрасна, Маруся,—в страстном экстазе шептал Петя.

Маруся стало жалко этого большого человека, который даже побывал в ссылке, и со стоном произнесла:

— В половинах отношений я твоя.

В страсти необычайной закружились их головы. Пролетарская любовь соединила их.

Маруся лежала у себя на койке в общежитии, она была раздела и гордо плзакала.

— Конечно, я плзану не потому, что не знаю, где моя невинность, потому что невинность—это буржуазный предрасудок, но зачем, когда он меня целовал, то смотрел на меня, как на женщины.

Маруся не могла уснуть.

Она всю ночь мучилась над проクリятым ровесником вопросом.

А когда прогулка мончий гудок, она пошла на свою пролетарскую работу.

Как легко пролетарствовалась Мария!

Читатель, вслушайтесь: читая современные романы, не сталкивались ли вы с подобными превращениями?

Почему нельзя расстаться со своим журналом на лето?

ПОТОМУ ЧТО

журнал в наиболее доступной и занимательной форме дает ответы на все вопросы дня.

ПОТОМУ ЧТО

журнал можно прочесть в любой обстановке, и он заполнит часы отдохва.

ПОТОМУ ЧТО

он своевременно дает указания о спорте, об экскурсиях и о летней гигиене.

МАРКИЗ ЭТОВЫЙ ЛИСТОПАД

Е. СЕРГЕЕВА, рисунки С. ВОЛУЦКОГО

Актирует Катя щеки,—но безуспешно...

У Кати сияла точка зрения, ее отстаивал хрипоты: «Если комсомолец волочится за красивой, значит, парень—шпаны, ну и не дело, если девчата хотят такой шпане нравиться».

Катя строга—ни пудры, ни бантиков, ни шапок, ни каблучков. Клни, куртка, скороходовская ботинки на низком каблуке—прочно, удобно, практично.

И пусть шпана косоротится,—вот любят же ее летчик Жигов, из рабочих, в партии кандидатом.

Об этом, конечно, собранию не скажешь, но точка Катина от этого тверже.

Кроме рабфака, службы, собраний всяческих и партийных награжд, некоторым комсомольцам платят еще и логово.

Каждому человеку полагается логово—там оно пьет, ест, спит, утром умывается, там в кухне, в умывальной он встречает одних и тех же людей каждое утро.

Катино логово—маленькая комната с крохотным оконцем во двор, в третей этаже на Калужской—комната для прислуги, но прежнему назначению.

А кругом люди: две молодых девушек швейки от себя, две девушки, немолодых, из совещаний и фармацевт Хейфиц—блестящий молодой человек: ботинки лакированные, с серой замшой, и бриолиновое великолепие прически.

Золото на мизинце, часах и зубах. В умывальной надолго тонкие запахи вежеталия, шипра, вереска—крепких мужских духовых.

На пять девушек—один Хейфиц. Петух в куртничке.

Со швейками развязен и игрив, с немолодыми—нагло груб, с Катей—держанно-почтителен.

Это тоже Катиной точке закрепа: «с женской стороны держится так, как это того заслуживает».

И потому: швейки—молодашки, кашашечки, цыпочки, Люсики, Мусик; совслужащие—стюки перезрельные, а тут же—глазки строят», а Кате—«товарищ Мухина» и на расстоянии не менее двух аршин, швейк ловят и целеут при удобном и неудобном случае.

Активирована Катя щеки—безуспешно.

— Он такой молоденький, хорошенький, Катюша, ну и пусть его поигрывает, мы не в обиде, даже совсем напротив,

«ПСИХЕЯ»

НЕПРАВИЛЬНО ребята разевались—комиссары, мол, в баню не ходят. Катя ходит каждую неделю. И хоть все голые без притета, а все же знакомых узять можно.

Узнали Катю те две немолодые. Подшли и ахнули:

— Катя, вы ли?

А потом уж не Кате, а друг другу:

— Смотрите, Мария Васильевна: плечи, грудь, ноги—какая прелест. Психея, иная Психея. Помните, в музее—тоже линии. Кто бы мог подумать! Что значит костюм, что значит костюм! Кто бы мог подумать, что у Кати Мухиной такая дивная фигура?

А потом уж Кате:

— Как вы себя непростительно уродуете костюмом. Это же преступление!

Катя приятно, даже зло на себя берет—загораживается иронической улыбкой, в смущении почему-то выливает только что наполненную шайку,—бросает небрежно:

— Я глупостями не занимаюсь,—и бежит в очередь к крану.

УЖ ОДНО ТО, что летчик,—взилась в небо стальная стрекоза; солнышко играет, лоснится спина, жужжит чуть смычко в голубой тишине, белой ленточкой газов опоясывает полнеба, свертывая ленточку колечками, спиралью, какой хочет вензель нарисует,—долго держится, медленно тает белая полоска.

А внизу—с открытыми ртами, руки вздыроком—где, где...

— Вон, вон, смотри!

И сознавать, знать, что там — он, Алеша...

А вечером в дверь Катиной комнатушки три раза так—тук, тук, тук:

— Можно?

Вот взять и сказать:

— Нельзя, нельзя.

Вот смешило было бы.

И каждый раз с ласковой укоризной:

— Ну, конечно, можно, и чего спрашиваешь?

А потом пропадало время, пропадало...

Само-собою, без всяких предрасудков—чувству полный ход.

Жигов в партию уже принят, Катя в комсомоле 3-й год, и Кате хочется казаться вполне политически созревшей.

И потому, когда вновь возникло время на циферблатах под стальной сеткой у обшлага гимнастерки товарища Жигова, Катя декламировала:

— Как глупо регистрировать свои чувства в каком-то ЗАГСе,—это унижает женщину. Если бы ты даже потребовал этого от меня, я бы тебя перестала уважать.

Жигов соглашался вязким, усталым языком:

— Да, конечно.

Иногда, вдруг, придет страшно смешная мысль:

— Что, если бы ты мне принес, вдруг, цветы или конфеты, знаешь, я бы вознавидела тебя. Как это пошло!

— Да, разумеется.

МАРКИЗЕТОВЫЕ БАБОЧКИ

ДНЕМ зелен бульварная—буро-рыжая, чахлая, чахоточная, изъеденная пылью.

Ночью—таинственно преображается, кажется густо-зеленою, свежей—в неверном свете зеленоватых фонарей, привнесенных за пневматическую никотинку.

Вечером живут бульвары особой жизнью, не похожей на дневную.

Днем—плевки, окурки на дорожках, сонная одурь прохожего на скамье, где кусочек тени,—на пять минут, пока не выглянуло из-за деревьев солнце, пока не убежит тень дальше; длинные собачьи языки трубочкой в чахлой траве.

Вечером—тени гуще и прочней, и в тени—тайна, на каждой скамеечке—тайна: завязка—развязка, роковые встречи; они линяют завтра же при белом свете утра, но вечером, в тени бульвара в неверном свете яркой висячей капельки, все кажется иным, чутко таинственным.

Жигов и Катя идут бульварами.

Катя не верит лживым бульварным тайнам, но ей все же хочется прижаться к Жигову, хочется взять его под руку,—и не решается: а вдруг—мешацство?

Жигов—коммунист, в партию принял.

Она вздыхает и говорит:

— Посмотря вон на ту парочку, как он ее ведет, смотри, смотри—держит за локоть, наверное, пожимает,глядит, а она вся размазалась. Фу, пошлость какая!

— Да, конечно.

И вдруг—стоп:

— Катюша, одну минуту...

— Где это вы пропадаете, Алексей Иванович? С прошлого воскресенья глаз не кается?

Откуда-то, из таинственной тени, выпорхнули две бабочки—в розовом и голубом: маркизет легчайший, тоначайший, юбочки в три воланчика, лиф в воланчиках—крыльянками.

— Очень извиняюсь, был занят. Завтра же зайду, клянусь вам!

Алеша поочередно целует ручки розовой и голубой.

— Ну, уж нет, теперь не пустим, раз вы нам попались,—это счастливый ветер, а мы как раз скучаем.

Но это ж взмутительно, сейчас Алеша их отощает, у него, ведь, в девять заседание!

Алеша в сладком маркизетом плену—опускается на скамью и тут только замечает Катю.

И Катя по-товарищески, словно о некоем деле:

— Товарищ Мухина, я вас больше не смью задерживать, я тут останусь, посижу...

«Товарищ Мухина»—это для тех, маркизетов, чтобы не подумали. Ему стыдно за нее. Это значит—Катя есть лишняя; Жигов не спешит, он не пойдет на заседание, он останется в маркизете плену в таинственной тени бульвара.

КАТИНА ТОЧКА РАСПЛЫВАЕТСЯ

ИЧТО-НИБУДЬ одно: или Жигов—шпана, или Катя «не проработала идеологически все области сознания». Вернее, последнее—ревность, уязвленное женское самолюбие,—фу, как это мелко!

Нет, не то, не только это, а Жигов—хорош! Он поцеловал им руки, остался с этими нарядными куклами.

Но почему—куклы? Может быть, вовсе и не куклы, а содергательные, умные девушки; ведь, в сущности, глупо оценивать человека по костюму, бесполезно штамповывать по таким мелочам—это сектантская нетерпимость, узость. Несомненно, Катя перегибает палку. Красота—вещь безоговорительная и бесспорная.

Почему-то вспомнилась «Психея».

В самом деле—надо собой хоть немного заняться. Эта нарочитая, подчеркнутая небрежность к своей внешности оскорбляет глаз независимо от доводов сознания.

Алеша очень чуткий и деликатный, он никогда мне этого не заметил, а мне следовало бы самой об этом подумать.

ПО БИРЮЗОВОМУ полю желтый кленовый лист—на прилавке листопад. Лягьет каскадом нежная ткань, осипаются на прилавке листья:

— На ваш рост, на вашу фигуру... в вашему цвету глаз... бесподобно...

И то же и Муси и Лисси—на разные голоса, со множеством восторженных интонаций.

— Где это вы достали такой маркизетик,—такая прелест... платье выйдет картина, куколка... Давно пора, Катюша, давно пора... Обидно с обеих сторон смотреть—девушка молодая, интересная...

Кате неловко, оправдывается:

— Некогда, все работа.

Лисси фасончики сбраживает—лоб в сбоку так:

— А туфельки какие будут, а чулки? Каблучки, разумеется, французский—другая посадка корпуса и походка легче. Хорошо бы туфельки в цвет листа—желтенькие, а чулочки к полю—нежно-голубые.

Ну, это, положим, глупости, а все же об обуви подумать следует.

Онкогда-то, из таинственной тени, выпорхнули две бабочки...

Всё это, в большом трюмо у Люси и Муси многое было неожиданно-радостных открытий...

Катя подсчитала ближайшую получку—всего тридцать пять. Ну, да ладно, не каждый месяц такой расход, какнибудь в другом сожмусь... можно «ссуду в месткоме»...

Совсем было в этом Алеша признателен, после всех деклараций боялся насмешек:

— Знаешь, я думаю собой заняться. Алеша не понял:

— Как так, в каком смысле?

— Внешностью своей... хочу одеваться, чтобы на женщину походить, хоть немного.

Алеша не стал смеяться.

— Давно пора!

— Почему же ты мне об этом не сказал раньше?

— Потому что считал это мертвым делом, ведь, ты с пеной у рта отставала свое.

— А ты, а ты... соглашался?

— Я молчал,—говорю, считал это мертвым дело.

От этого разговора осталась легкая досада: значит, и не было никогда понимания, поддакивал во всем, а думал по-своему.

КОТИК

КАТЯ в маркизетовом платье в золотых листьях по бирюзовому полю, Дымчатые фильдерсеровые чулки, желтые туфли-лодочки.

Нога у Кати маленькая и изящная, — сама радостно удивилась.

Вообще, в большом трюмо у Люси и Муси много было неожиданно-радостных открытий, а за спиной — восторженных восклицаний.

— Ах, как это вам идет! Вы такая дуся ну, просто ангелочек, а вы еще хотели с рукавами и с закрытым воротом, испортили бы платье. Разве можно такую предстать закрывать!

Люся пальцами любовно гладит Катину щечу, локти—пухлые, с ямочками.

— Сколько сил стоило вас уговорить!

Голову с плеча на плечо, и так, и этак, зайдет спереди, сзади, сбоку и даже на пол ляжет—касью-нибудь ниточку снимет, и опять заляжется...

Все ж было не по себе, пока Алеша не одобрил.

Алеша одобрил и даже очень—предложил пойти в Нескучный и ласково взял под руку, чуть выше локтя.

От Алешиного одобрения прошла всякая неловкость; подознательным, женским напала другую походку—нельзя же сказать мерить и руки ветряной мельнице! — и смех, и ульбка, и повтор головы.

Так было вечером в Нескучном.

Сидели у маленького столика, ели мороженое. И только в глубине сознания скреблось: «почему раньше Алеша никаку со мной не ходил, и провожать я сама навязывалась?» Но голос этот

заглушался гаммой новых ощущений. Так приятно и непривычно было думать: «Какая я хорошенькая». Об этом говорили Алешинны глаза и глаза мужчин за соседними столиками.

И как-то так вышло, что целый вечер болтали о пустяках, не задав ни одного «принципиального» вопроса.

Утром пошли на фабрику, в клуб в библиотеку, где работала в своем обычном—комсомольском. Там чувствовала себя привычно-просто, нужной и своей.

Подошел рабочий Наумов и сказал:

- Видел тебя вчера, товарищ Мухина, в Нескучном с кавалером, мороженое поглощалась. Платинка на тебе такое легонькое было. Насилу узнала, думал, не ты, обознался.

Так просто и сказал, а Катя вспыхнула, отвергла глаза и некстати, невпопад:

— Так просто, то глупости, со всякихывает.

Наумов не понял—про него ли, про себя ли, к чему это—оно глупости, и сказал на всякий случай неопределенно:

- Оно, конечно, что и говорить. После мучилась этим целый день.

А вечером опять ждала Жигова в легком платье.

Нужно чаю закипятить. В кухню—с чайником, за водой.

Там Хейфиц.

— Здрасте, Катерина Николаевна.

«Почему же не — товарищ Мухина? Это удивило. «Впрочем, не стоит с Хейфицем связываться, лучше промолчать,—он все равно сейчас уйдет, боится Кати, как чего-то для него непонятного, неясного».

Но Хейфиц не уходил и даже подошел ближе:

— Какая вы хорошененькая стали, Катерина Николаевна, как цветочек. За ваши можно даже поухаживать. Разрешите?

Катя ищет слов и не находит, не замечает, как из чайника тонкой струйкой давно бежит вода на бетонный пол.

— Как... вы смеете... мерзавец... я... я...

Но Хейфиц не пугается, он уже разгадал неразгаданное: для него Катя такая же, как все,—прежде всего женщина, и он знает, что в таких случаях полагается...

Он берет Катю за плечи, ласково и властно:

— Котик, ну, котик, котик, ну, что с тобой, успокойся, пуспинка.

Катя бросает в Хейфица чайник с водой,—на чесучевой рушашке грязный след сажи.

Катя бежит в комнату, ее трясет лихорадка, и в лихорадке, быстро, быстро, сбрасываясь, срывает платок, потом с усилием рвет прочную ткань—раз, раз, мельче, мельче, в бешеном иступлении.

Жигов стучит, Катя не слышит—стягивает чулки, сбрасывает туфли.

— Что это значит, Катя, что с тобой?

С непонятной яростью бросается к Жигову, к самому лицу скжатые кулаки:

— Не хочу, чтобы ходил котиком, пуспинком! Ты вчера меня тоже называл ципкой, деткой, руки целовал. А раньше почему нет? Теперь я знаю, знаю, кто ты—ты такой же, как Хейфиц! Убираись от меня, забудь мой адрес... Я ненавижу тебя, слышишь—не-на-вижу...

ПИСЬМО ВТОРОЙ КОМСОМОЛКИ

(ОТВЕТ НА ОТВЕТ тов. СМИДОВИЧ)

Брось стыд иносканзания
И гипотезы пустые!
На проклины вопросы
Дай ответы нам прямые!

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ!

НАПЧАТАВ в последнем номере «Смены» свою переписку с комсомолкой Лидой, Вы, понимаю, хотели подчеркнуть ее обобщенное значение. Тем самым Вы даеете право мне вмешаться в Ваш разговор.

Я старше Лиды и, наверно, и партнёрно-политически, поэтому меня ваш ответ, — скажу прямо, — совсем не удовлетворил. Мне кажется, что вы на спорту не дали ответа тов. Лиде.

Судите сами.

Вступающая в жизнь комсомолка спрашивает у вас, старшего товарища, совета:

«Что делать, — пишет Лида, — не то жить под кустом, чтобы не ходить и кончать все — и по-лучается так глуко и не знаешь кого ругать — не то себя, не то другого?»

Другими словами, от вас ждут ответа, как должны строиться, по вашему мнению, отношения между комсомольской и любимым ею парнем. Вопрос был прям и зек, как «доброе утро».

И вот что вы ответили на него:

«Вместе с развитием промышленности, вместе с индустриализацией нашей страны, все большее количество женщин будет втягиваться в производство, создавая тем самым основу для всесторичного развития новых равноправных взаимоотношений между мужчиной и женщиной».

Сказать так значит ничего не сказать. Когда сложится новая основа, тогда взаимоотношения полов будут гармоничные. Верите? Но что прикажете делать, в ожидании «новых основ». Я предлагаю себе разговор между доверенной Лидой и тобой, Смидовичем, если бы их не разделяло 3,500 километров.

Вместе с отрыванием последних остатков хозяйственных функций семьи, — поучает тов. Смидович¹) — оторут и последние отношения к женщине, как к слуге, существу низшего порядка. Таким образом...

— Позвольте вам перебить, тов. Смидович, — выдергивает Лиду. — Это все верно, но что, вы говорите. Это все хорошо. Но я сама это знаю, и что я могу сказать на первый раз? Я знаю, через 10 лет жизнь будет прекрасна, да ведь я жду не в 2026 г. Мне интересно, чтобы вы посоветовали мне сейчас, сегодня, когда я вернуся к своим мучительным сомнениям. Ужель итти любоваться под первое дерево?

— Ну, что вы! — отвечает тов. Смидович. — Нет, конечно. «Любовь под кустом» — это отрыжка буржуазного мира, который брызгает ядовитой слюной на нашу новую, пролетарскую общество... Мы постараемся возможно скорее спрятаться в этих элом.

— Вот и я так думаю... — задумчиво говорит Лида. Но мне бы хотелось, чтобы ходила неспешно, услышав не лешевое моральное изложение, а что-нибудь более конкретное.

Ах, конкретное... — задумывается в свою очередь тов. Смидович. — Прежде всего... прежде всего... прежде всего будите уверены в своей правоте.

Не идите по пути уступок, потому что они не принесут вам ничего, кроме разочарования и горя. Факты из вашей жизни, о которых вы так любезно мне рассказали, все-таки не являются единственно определяющими наши быт.

Растет и здоровая (стадо быть, — неслыханные, думает Лида, но можно) пролетарская молодежь, со здоровыми идеями и интеллигентами. Наконец, работники организации нового быта, борьбы за создание нового человека — подумайте, Лида, какое это для нас величайшее счастье...

Но Лида только грустно качает головой.

Последнее ради приличия еще некоторое время, выслушав еще несколько сентенций, Лида благодарит и прощается с разговорчикой хозяйкой. Лида ждет пионерский отряд.

Она уходит своей торопливой походкой, а голову склоняет мысль:

— Нет, это не ответ. Что же, что же нам делать?

Лида будет права, когда не удовлетворится ответом тов. Смидовича. Да и кого удовлетворит ответ, где старательно замазаны и стерты острые углы, а сам вопрос передвинут в блестящую, но холодную сферу принципиальных разговоров.

Лиды — их много — пойдут искать ответа в другом месте, будут учиться на своем маленьком опыте, своим горбом, а может быть и комсомольской жизнью расплатиться за прекрасноющую советы взрослых товарищей, не зная и не замечая на линии поведения. Не будем спорить о принципах — здесь мы во всем согласны. Поговорим лучше о земном применении небесных принципов.

Будем смелы и возьмем быка за рога: позвемся мы за любовь.

Известно, что на эту тему написано большие бумаги, чем может увезти сотни верблюдов, и не нам, и не в газетах решать этот извечный вопрос. Больше того: мы о ней слышали много читали, еще больше думали, но сами никогда любви (к мужчине, в специальном смысле слова) не испытывали и поэтому не твердо уверены в необходимости своих суждений.

Любовь... что это такое?

Старая песня:

«Зовет ее ангел блаженства небес,

Мученики ада зовут ее бес».

В отличие от того и другого, тов. Смидович понимает ее пропись. Она подходит к вопросу с марксистской точкой зрения и очень решительно:

«На долю женщин, дорогих товарищ Лид, падет почётная роль быть непосредственной воспроизводительницей человеческого рода. Эта роль в значительной степени определяется и все вспомогательные для нее заботы. Любовь для нее длительный процесс зачатия, нюхания, родления, кормления и воспитания нового существа».

Мы смотрим на любовь иначе; она сложный комплекс постоянных и условных рефлексов, гораздо более, во всяком случае, сложный, нежели она кажется поэтической тов. Смидович. Но, хотя формула това. Смидовича в упрощительской, нечлоподобной форме, нечлоподобна, что вопрос о плодах любви с процентом прироста населения СССР — в данный момент является практической частью политики.

Смидович не допускает мысли о любви в отношениях между людьми, не начинавшихся рождением ребенка. А мы эту мысль допускаем. Отсюда начинаются наши разногласия.

Революционерам и коммунистам не приличает безусловное преклонение перед силами природы.

Не подчиняться природе, а подчинить ее себе — вот достойный лозунг социализма.

Природа устремлена и тому же плохо организована. Природа решительно нуждается в принципах, которые не дадут ей сорваться — мы внесем. Мы передадим стихию Земле так, чтобы человечество живлось просто и удобно. Не мы, так дети наши не они, или, когда дети детей наших, доживут до времени, когда эти самые «законы природы» будут вспоминать на экскурсиях в пыльных музеях, куда их сладут вместе с сохой, бородой и проволочным телефоном, как говорил Энгельс.

Но мы, кажется, размечтались. Суровые замыслы не отменены и заставляют нас менять приятные фантазии на тревожную, наглядную аргументацию.

Лида, конечно, качает женщину — совершиенно беспорядочно. Но что делают с женщинами частные роли? Оглядитесь — и вы нас поймете.

Дальше. Предложим вниманию тов. Смидович и ее сторонников такую задачу. Как известно, средний месячный заработка рабочего 50—60 р.

Что дает к лету своему читателю

«СМЕНА»?

— Статьи по всем видам летнего спорта.

— Серии очерков: «Куда ехать летом» (Кавказ, Крым, Урал, Север и проч.).

— Советы по гигиене летнего отдыха.

НЕ УПУСКАЙ ЭТОГО И НЕ ОТРЕВАЙСЯ ОТ ЖУРНАЛА!

На эту сумму он может хорошо воспитывать одного ребенка или хуже — двух. Однако, следя в своей любви за летом тов. Смидович, наш рабочий за революцию произвел четырех ребят. Полсотни этой семьи достаточно, чтобы не умереть от голода, но мало, чтобы жить. Оно и выходит, что дети пролетариата, соблазненный советами тов. Смидовича, будут расти впроголод, хильмы, больные, рабочих, рабочих, рабочих. Короче: вместо четырех рабочих, состоящая страна получает четырех инвалидов, т. е. вместо обещанной тов. Смидович поплыла —истинный вред.

Собственно, этого примера достаточно для иллюстрации нашей мысли. Попробуйте его оспорить! Пусты тов. Смидович нам доказает, что для Союза Республики количества детей важнее их качества? Мы, вместе с т. Троцким, и здесь поборемся за «качество продукции».

Подойдем теперь с другой стороны, — стороны интересов государства, с отдельной материей в большинстве случаев — социальной. Если два рабочих дают женщине глубокую возможность общественной работы, то большое число детей эту работу исключает. Тов. Смидович когда-то сама это хорошо понимала. В ее первых статьях в «Правде» мы читали: «Сколько невиновных трудностей должна взяться на себя молодая мать, чтобы вскорить и воспитать новорожденного. Она должна будет на долгое время расстаться с учением, если она учающаяся, с активной работой в организациях, если она общественный работник». Мы поднимаемся под этим обеими руками.

Итак, мы понимаем, что часто бывает полное противоречие: высокие интересы требуют подавления «закона природы». Люди без ее «плодов». Тем самым мы допускаем контроль над деторождением — регулирование (относительные) его. Тем самым мы даем матери право самой выбирать время и отныне своему ребенку.². Чито и требовалось доказать.

* * *

— Значит, вы за аборт? — спросит нас хитроумная тов. Смидович.

Нет. Вовсе нет. Зачем прибегать к аборту, как это делают физиологии и мораль, когда есть дескти и мирихи, и относительно безвремных, и очень действенных предупредительных мер. Заметим кстати, что с нашеочки зрения, рост абортов в стране говорит не о росте «испорченности» и падении нравов, как думают многие, а лишь о нашей некультурности. Там, где достаточно смазать перезанятый палец ногом, мы ампутируем (отрезываем) руку.

Чтоб не было плохих понятий, поясним: мы за детей. Для семьи ребенок необходим, как хлеб и вода, но рождение ребенка должно определить волей разума, а не слепым случаем. Отсюда нам легче перейти и ко второму, так сказать, программному, вопросу: о новых формах семьи.

Они определяются не статьями, даже самыми прекрасными, а — увы — другими, грубыми и упрямыми факторами — материальными условиями.

Старая складывающаяся веками семья разпадалась фактически еще до революции, соответственно изменению материальных отношений общества. Революция только завершила и оформила, так сказать, deeresse этого процесса, разрывавшего сковывавшего его правые связи. И это — эпоха, когда сама социальная организация, большая наименность ждать и требовать определенных, выкинутых извониных форм брачного союза, пролетарской семьи — по выражению тов. Смидовича. Мы даже отдалено не можем представить, форм, в которые вильются взаимоотношения между мужчиной и женщиной при развернутых формах социализма.

Разумеется, отсюда никак не следует, что нам можно сложить руки и путь по течению, предстоящим событиям ити, куда вздумается. Наоборот, общественное вмешательство в семью — это неизбежно. И это — потому что самая переходный период грозит затянутся надолго.

Вопрос о формах вмешательства: один придумывает красивые поклонения, под которые пытаются подогреть жизнь. Другие — мы в их числе — предвзято считают приглядаться к жизни и к (окончание см. на 3 стр. обложки).

¹⁾ Реплики тов. Смидовича почти дословно приводу из ее статьи.

²⁾ Наши сестры это до некоторой степени страхуют и от роковых « ошибок молодости».

О СПЕЦИАЛИСТАХ

П. РЫБАКОВ, снимки З. ЧЕБОТАЕВА

цехов, сделать так, чтобы они дополняли друг друга. Да и для каждого цеха требуется специальный технический руководитель (инженер, мастер), который расставляет рабочих так, чтобы процесс труда проходил без перебоев, чтобы каждый человек был на своем месте и точно и аккуратно исполнял бы порученную ему работу. Поэтому правильная организаций труда на предприятиях имеет огромное значение. А она также требует знаний, умения и навыка. Одним словом, современное производство во покоятся на научных основах и оно совершило немыслимо без инженеров, мастеров, техников и всякого рода других специалистов. Это же самое можно сказать относительно транспорта и сельского хозяйства. Дальнейшее развитие сельского хозяйства невозможно без привлечения к делу армии агрономов. Таким образом, роль специалистов во всем нашем народном хозяйстве безусловно важна и значительна.

Промышленность буржуазии строилась и управлялась руками специалистов. Очень часто капиталист, владелец больших заводов, ни бельмеса не смыслил в своем производстве. Рассказывают, что один русский министр земледелия приехал в провинцию, и когда ему на поля показали пшеницу, то он с удивлением спросил: «А где же булки?» Этот пример немножко из другой опе-ры, но он также характерен и для крупных капиталистов, зачастую совершивших

нечестивых в своем деле. Это дело хорошо изучили и знали специалисты, — особый слой работников умственного труда, которые и работали вместо хозяев (за хорошую плату, конечно). У нас после Октября хозяином промышленности стал пролетариат. Мы совершили Октябрьскую революцию для того, чтобы построить коммунистическое общество. Эта задача может быть выполнена только там случае, если промышленность разовьется в громадной степени, сельское хозяйство будет механизировано и т. д. Для этого (наряду с другими необходимыми условиями) нам нужны специалисты. Своих специалистов у рабочего класса еще очень мало. И это понятно: ведь в старые буржуазные времена попасть рабочему в вуз было не легче, чем верблюду пролезть сквозь игольное ушко. Эти специалисты остались нам от старого строя, и мы должны их использовать в нашем строительстве. Теперь специалисты должны служить не капиталистам, с целью производства для

них барышей, а всему пролетарскому государству; они должны работать на пользу рабочего класса и крестьянства. В этом как раз и заключается принципиальное различие в роли специалистов и их деятельности.

Конечно, наша цель — коммунизм. Но еще тов. Ленин говорил, что «если ставить вопрос так, чтобы мы руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов, могли построить коммунизм, то эта мысль ребяческая». Наша Красная армияоказалась победительницей в борьбе с многочисленными врагами в значительной мере потому, что мы сумели использовать десятки тысяч бывших офицеров — военных специалистов. Теперь перед нами новый, гораздо более обширный и трудный фронт — хозяйственный и культурный. И мы были бы круглыми дураками, если бы вообразили, что справимся сами с этой задачей. У нас есть желание работать, есть энергия, мы дьявольски выносливы и не боимся трудностей. Но этого еще мало. Для такого дела нужны большие знания и опыт, а у нас их нет, и в один год приобрести их нельзя. Вот почему Ильин говорил, что «нужно взять всю культуру, которую капитал оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».

Если вы откроете программу партии, принятую VIII съездом в 1919 году, то увидите, что уже тогда партия считала, что «задача развития производительных сил требует немедленного широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники...». В программе говорится далее об необходимости более высокого вознаграждения специалистов, а также о том, что их необходимо ставить в обстановку товарищеского общего труда. В августе 1925 г. было напечатано о соборе постановление ЦК о специалистах. Совершенно естественно, что чем дальше идет развитие народного хозяйства, тем большую важность приобретает вопрос о производстве квалифицированной рабочей силы вообще и высших специалистов во всех отраслях хозяйства — в особенности. С другой стороны, вместе с подъемом всей нашей хозяйственной жизни, среди самих специалистов нарастают симпатии к Советскому государству, сказывается все больше искреннего желания работать с нами не за страз, а за совесть. Собирается переход специалистов из лагеря только продающих свои знания пролетариату в ряды активных строителей социализма.

Сотни и тысячи специалистов принимают участие в общественной, профсоюзной и просветительской работе. На фабриках и заводах они особо важную и активную роль играют в работе производ-

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
покоится на научных основах и совершенно немыслимо без соответствующих специалистов!

В НАРОДНОМ
хозяйстве Со-
ветского Союза
специалисты за-
нимают важное
место и играют
большую роль. Да
это и не может
быть иначе.

На ранней ступени развития промышленности, когда производство носило кустарно-ремесленный характер, когда в каждой мастерской было занято двадцать человек, работавших вручную, тогда, понятно, не требовалось ни особых организаторов производства, ни управляющих, ни инженеров. Труд был прост и несложен. Хозяин мастерской сам работал наравне со своими подмастерьями, одновременно исполняя обязанности организатора и руководителя мастерской.

Совсем другое дело теперь, когда производство стало машинным, а отдельные предприятия насчитывают в своих стенах тысячи рабочих. Если мы возьмем какой-нибудь завод, то увидим, что здесь без инженеров и организаторов обойтись нельзя. Машин и станков, на которых работает рабочий, необычайно сложны. Построить этих машин и вообще произвести продукты, будь то ситец или калоши, шоколад или ботинки — требует от руководителей специальных знаний по химии, физике, математике. Кроме того, каждый завод распадается на ряд цехов и отделений, в которых последовательно обрабатывается какой-нибудь продукт. Надо уметь связать воедино работу этих

ственных совещаний. Даже в деревне идет это втягивание специалистов в общественную работу. Комсомольцы устраивают по селам агрономические кружки, пункты агропомощи, организуют общества «Обновленной земли», куда привлекают в качестве руководителей специалистов-агрономов. По другим линиям идет втягивание в работу врачей, учителей и других специалистов на селе. Одним словом, в работе устанавливается правильное взаимное понимание, создаётся атмосфера товарищеского сотрудничества.

Однако у нас нередко оказывается еще непонимание в этом вопросе, бывают иногда нездоровые склонности. Примером такого извращенного отношения к специалистам может служить прогремевшее на всю Россию дело о самоубийстве дра Гешелина. Д-р Гешелин был честным и преданным работником, горячо любившим свое дело. И вот, за то, что он осмелился высказать свое недовольство по поводу бюрократических действий одного «ответственного» коммуниста, его лишают службы в больнице и обливают потоками грязи и клеветы. Гешелин не выдерживает такой несправедливости и кончает самоубийством. Этот печальный случай показывает, что среди коммунистов есть еще люди, заряженные комизионтом и не уяснившие себе необходимости внимательного отношения к специалистам. Можно было бы привести не один пример о том, как у нас иногда до сих пор со стороны рабочих (особенно молодежи) прорываются совершенно неправильные, спекулятивные настроения. Процветает огульная критика специалистов. Мы до сих пор еще далеко не все научились различать, где наш друг, где враг. Конечно, среди специалистов бывают и враги. Таких людей Советская власть судит и жестоко карает.

Но иногда бывает и так, что мы за специалиста по простоте душевной принимаем какого-нибудь шарлатана. В «Правде» сообщалась история с «Майзелем, который незадемин». Он выдавал себя за специалиста по экономике, технологии и еще каким-то важным наукам. Майзель—незадеминный человек: он работал в ВСНХ

МАСТЕР

Было прохлада дымного тумана,
Говорят мне думы про свое,
Все я вижу—хлещет из вагранок
Злое, разъяренное литье.

Спине прудок, снял мои соседы,
И давно не плачет детьвора;
Тусклый месяц, кованый из меди,
Льет лучи ко мне из-за дворов.

Вей же, ветер, запахами сена,
Взбалтывай тумана молоко—
Ведь, не скоро утренняя смена,
До зари рассветной далеко.

Старый мастер нынче не задумчив,
Он уже спокоен и сурон—
Знает он литья законы лучше,
Чем знаком я с горючими стихиями.

И ему, привычному, не жалко
Не дремать в минуты темноты—
Только бышлая верная закалка,
Чтобы были гвозди и винты.

Пусть же звезды клонятся на кленах,
Спят соседи, дремлет детьвора;
Ведь, зато зрачков его бесконных
Не заснет железо до утра.

Борис Соловьев

и СТО, вернее, ничего не делал ни там, ни здесь, а получал огромные оклады в обоих учреждениях. Таких лжеспециалистов нам нужно разоблачать и гнать в шею, но ни в коем случае не надо их смешивать с настоящими незадеминными специалистами, которые честно работают вместе с нами.

Непосредственным и ближайшим спектаклем, с которым чаще всего сталкивается рабочий, является мастер. Как должен относиться рабочий к своему мастеру? Он должен, во-первых, учиться у него делу и, во-вторых, должен смотреть на него как на лицо, которое ответственно перед рабочим государством за порученное ему дело.

В некоторых отсталых слоях рабочих выдвигается лозунг равенства заработной платы. Эти уравнительские настроения направлены, прежде всего, против специалистов и прямым путем приводят к спекулятивству. В эпоху военного коммунизма у нас было время

когда все получали поровну. Что же из этого вышло? А получилось то, что мы растерили почти всю квалифицированную рабочую силу, не говоря уже о специалистах. Каждый припомнит, что тогда очень часто инженер служил в должности регистратора, а мастер работал в качестве грузчика. Точно такая же картина получилась бы и теперь. Но тогда как же быть с развитием промышленности, с подъемом народного хозяйства, со строительством социализма? Если мы подойдем к оплате специалистам с этой точки зрения, то, безусловно, должны признать, что труд специалистов должен оплачиваться выше, чем труд простого рабочего. И это неравенство сохранилось до тех пор, пока мы полностью не построим социализма.

В заключение необходимо отметить, что перед нами стоит огромная задача создания кадра своих красных спецов, вышедших из рядов рабочего класса и крестьянства. Это делают рабфаки и вузы, в которых обучаются десятки тысяч рабочих и крестьян. Для комсомольцев особенно полезно напомнить постановление XII партсъезда, гласящее: «Обучение в технике должно быть для новых поколений не только вопросом специализации, но и делом революционного долга. В условиях рабочего государства весь тот

СТРОИТЕЛЬСТВО РАБОЧЕГО ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛИЗМА невозможно без пра-вильного использования специалистов, оставшихся нам в наследство от старого

РАБФАКИ И ВУЗЫ ГОТОВЯТ НАМ «КРАСНЫХ СПЕЦОВ! Помните, что «обучение технике должно быть для новых поколений не только вопросом специализации, но и делом революционного долга» (Из пост. XII съезда партии)

энтузиазм, который расходился ранее рабочей молодежью на революционно-политическую борьбу, должен направляться на овладение наукой и техникой. Нужно, чтобы учащийся, относящийся небрежно к занятиям, встречался с собой такое же отношение, как дезертир или штрайкбрехер в борьбе против буржуазии. Организация социалистического хозяйства для пролетарского авангарда — не карьера, а подвиг».

МИТИНГ КОММУНИСТОВ НЬЮ ЙОРКА в знак сочувствия английским забастовщикам. На плакатах надпись: «Победа британского труда есть победа рабочего класса всего мира!»

ГЕНРИ ДОББ МЛАДШИЙ

А. МЕНЬШОЙ, снимки ПРЕСС-КЛИШЕ ТАСС

ГЕНРИ ДОББ старший, отец, интересует нас в данном случае лишь постольку, поскольку он может помочь нам уяснить Генри Добба младшего, сына. Поэтому мы скажем о нем несколько слов — и этим ограничимся.

Генри Добб — это средний англо-американский рабочий. Средний тип. Позвольте объяснить вам.

Есть два крайних, диаметрально противоположных, типа. Это, с одной стороны, высококвалифицированный и потому высокооплачиваемый рабочий-аристократ, а с другой стороны, — неквалифицированный, не обученный и потому низкооплачиваемый рабочий-массовик.

Я хочу, для колорита, что ли — познакомить вас с некоторой специфической, проникнутой глубоким чувством юмора, англо-американской пролетарской терминологией: «The Top dog» и «The under dog» — «собака, которая на самом верху», и «собака, которая на самом низу» — это буквальный перевод. Чтобы понять это, вообразите себе: этакий здоровенный, от кормленный, самодовольный, добродородливый хозяйственный заласканный барбос — и эта какая озлобленная, тысячи разбитая, тысячи раз кипятком опшаренная верхними господами кухарками, вся в пластинах, отчаянная — потому, что ей нечего терять звябастая революционная собака. Вот это и есть «The Top dog» и «The under dog».

Первый благополучен и самодоволен. Во-первых, у него «steady job» — работа постоянная, вечная, хозяина его «цепляет», он не боится безработицы. Так как хозяина его цепляет, то и он, конечно, цепен хозяев. Отсюда — «междуклассовый контакт». Отсюда эта типичная англо-американская «философия» наставки передышущего классового мира. Чего это там сумасшедший этот немец Маркс выдумал? Классовая борьба! Какая там классовая борьба! Разве не ясно, что интересы труда и интересы капитала совпадают всеми своими точками? Разве не ясно, что заработка плата рабочего прямо пропорциональна прибыли капиталиста?

ОТ РЕДАКЦИИ: Начиная с этого номера, мы ежедневно будем помещать бытовые и социально-экономические очерки об Америке и Европе, об американских и европейских рабочих в особенности.

Что касается таких рабочих, как Генри Добб старший и младший, то в Англии они уже освобождаются от слепой веры в закон, порядок, хождения и короля.

Этому свидетельство недавняя английская стачка.

Бот!

Во-вторых, — так как «джоб» у него «вечная», то он, естественно, обжился, «оброс», — у него есть имущество. О, это много значит — имущество!.. У него есть домик, — двухэтажный, с палисадником, с огородом. У него есть пианино, — на пианино играет его dochь, которая, конечно, выходит замуж не за простого рабочего. У него есть «Форд». У него есть громкоговоритель (прежде был граммофон). У него никелевые кровати, туалетные драпировки, картины — закат и море, и, конечно, портрет короля. Он каждый день пьет пиво, а гостям в воскресенье подается коктейль. Когда гости пьют коктейль, дочка играет на пианино сладкий, печальный романс, шимми и «Боже, спаси короля». А сундуки! Приданое дочкино! А золотые часы, а чепочки, а женины серги! Все это оттого — знает, отчего? Оттого, что наша страна — богатая, могучая и владеет колониями.

Он патриот, — конечно...

Это — «Top dog». А «Эндер даг» живет мучительной, тяжелой, разложенно-тарахтящей с перебоями жизнью. Завтра, гляди, выбросит с фабрики...

Междуд рабочим-аристократом и рабочим-массовиком — между верхушкой пролетариата и массой пролетариата — дистанция, как вы видите, огромного размера. И вот на этой самой дистанции и расположены Генри Доббы...

Я хочу описать вам Генри Доббу, чтобы вы поняли его, чтобы вы разглядели его, — и не могу! Не могу описать... Генри Добб не поддается описанию. Он «неописуем». — Так, что же?.. Так он среден, так он сер, так он скучен, так он уныл, так он бесцветен, водянист, так он безмолвен, безбоден... Генри, он тусклый, незаметный! Генри! Да скажи

же что-нибудь! Дай нам хоть услышать твой голос!.. Молчит. Ему нечего сказать.

ГЕНРИ ДОББУ нечего сказать...

Я могу попытаться описать Генри Добба только в самых общих чертах, только приблизительно, — так:

Он — лыс у него аккуратно подстриженные усы, он ни толст, ни тонок. Лицо у него «обыкновенное», особый примет нет. Он ни умен, ни глуп. Он женат. Он ходит в церковь, но не регулярно. Он читает бульварную газету. Охотно посещает кинематограф, любит великолепные бракоразводные фильмы, — вообще больше всего в жизни любит он великолепное и бракоразводное. Впрочем, сильных переживаний и страсти у него нет.

В БОЛЬШОМ английском или американском городе Генри Доббов — сотни тысяч. Это довольно многочисленная группа рабочих. Это рабочие, несвязанные непосредственно с производством. В их работе нет колlettivизма. Водопроводчик, газопроводчик, оклейщик обобов, обойщик мебели, сторож, сапожник-починщик, подмастерье, полоттер, окномойщик, развозчик льда (эти три последние работают от «фирмы», от «компании». Они чисты пролетариев, — я боясь, как бы вы не заподозрили их в мелкобуржуазности: ремесленники, мол) и т. д. и т. д. Сюда же относятся все те средние рабочие, которые работают в небольших мастерских — чернильных, помадных, шнурочных и т. д. и т. д. В общем — сотни тысяч, а может и миллионы. И все это — Генри Добб, средние, неопределенные, ни туда, ни сюда.

А МОЛОДОЙ сын Генри Добба заполняет собой по вечерам улицы Лондона, Шеффилда, Манчестера, Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго. Я хочу, чтобы вы

познакомились с ним поближе. Он ваш ровесник, комсомольского возраста. Знакомство с ним, смею вас уверить, будет полезно вам.

Вот от всех перед вами. Он немного похож на отца, не правда ли? Так же тусклая безмолвность,—да, это есть... У него веснушчатое и (если вы приглядитесь попристальнее, вы заметите это) немного утомленное, я сказал бы, немного старообразное лицо. Ему на вид лет 26—28.—Ну, а на самом деле ему 23... Это оттого, что он с 14-ти лет работает, и работа у него такая: вечные понуканья.

— Скорее, живее! Подвигайся!

Он одет по последней моде, как это смешно! Стиль шимми. На первый взгляд—сын миллиардера, ха-ха-ха... Зачем ты так вырядился, Генри? Но ваш вопрос ему непонятен. Ваш вопрос кажется ему нелепым. Как «зачем»? Да, ведь, так носят... Этот довод—«так носят»—с его точки зрения, непоколебим, как скала Гибралтара. Что вы можете на это возразить?

Стиль шимми—острая взвинченность. Заостренные, впереди вверх торчащие углы, острые края лацканы. Острые вперед туфельные носки. Тонкий, острый галстук-бантик. Короткие брюки. Остроуглый воротничек. Нервная, скакавшая, блудливая, взвинченная заостренность большого англо-американского города... И все—короткое и узкое, чтобы и сам человек был тонок, гибок и остер.

Стиль шимми!.. Но как все это жалко, убого! Брюки продержали всю ночь под тюфяком, а на галстуке облезлость и пятна! Так их не удалось замаскировать. А, ведь, стоял человек перед зеркалом долго и дело свое делал тщательно, вдумчиво, терпеливо...

Сын миллиардера, ха-ха-ха... Бедный бедный Генри Добб! Мы-то, ведь, знаем, что ты работаешь в конторе рассыльных, что платят тебе всего-то пять долларов в неделю, что жить тебе на свете скучно, несмотря на то, что ты молод, что вспоминать тебе нечего и мечтать тебе не о чем...

Вот твоя биография, Генри Добб младший:

Буржуазное государство взяло на себя твоё воспитание. Отец твой был совершенно беспомощен, он не знал, что с тобой делать. Я и не виню его: он—человек простой, никаким наукам никогда не учился. До 6-ти лет ты был на улице. Ты вбирал в свою душу—бессознательно, конечно,—мудрость улицы. Улица развивала твои инстинкты. Ты научился складывать ручку в кулак и бить. Ты научился прятаться от пинков. Сейчас уже ты, к сожалению, забыл эту мудрость улицы. Твоя рука уже не складывается в кулак. Ты не протестуешь уже против пинков—и даже не прячешься от них: ты принимаешь их смиренно, с великой покорностью.

Эту покорность дала тебе школа. Отец послал тебя в буржуазную государственную школу не потому, что он осознал необходимость этого, а потому, что есть такой закон: обязательное обучение,— если бы не штраф, законом предусмотренный, твоему отцу, может быть, никогда и в голову не пришло бы...

Но хорошо,—вот ты в школе. Учительница, старая дева (в Англии и в Америке школьным учителямкам) замужество запрещено под страхом увольнения, злая, злая на весь мир,—за все 8 лет

она ни разу не улыбнулась,—усердно принялась учить тебя чтению, письму, арифметике, истории и добродетелям.

Чтение, письмо и арифметика нужны тебе для того, чтобы ты мог служить в конторе, ведь, не оставя же тебе простых рабочим, как твой отец,—история нужна для патриотизма, а добродетели, чтобы, не дай бог, ты не стал революционером. Произнося это слово—революционер—учительница делает испуганные глаза, а ты сейчас же, в своем детском мозгу, отождествляешь революционером с бухгалтером.

Я хочу рассеять одно—весьма, кажется, распространенное—недоразумение. Почему-то думают, что в американской и английской школе ничего не говорят детям про классовую структуру общества. Это абсолютно неверно. Даже совсем наоборот. В американской и английской школе пролетарским детям детальнейшим образом объясняют, что есть богатые, которые не трудятся и владеют всем, и есть бедные, которые труждются и не владеют ничем. Это обясняют—как же! И из обяснения этого делают такой вывод: старайся попасть в богатые. Вот Элисон! Он продавал газеты, а теперь он миллиардер. Нужно только стараться. Трудолюбие и лояльность.

В школе учили Генри Добба любить свою родину, петь гимны, целовать флаг, благодарить господа бога за то, что он создал англо-саксов, чтобы они покорили себе все прочее нецивилизованное человечество; вести себя скромно в обществе; бояться всех, кого следует бояться,—бога, полисмена, учительницы, а в будущем хозяина; джентльмену всегда говорить «сэр», а лэди—«мэдэм»; носить насыпным платком; вилку держать левой рукой, а нож в правой,—вообще манерам; с девочкой в одной комнате не оставаться вдвоем, ибо это—безнравственно.

— Почему безнравственно?—полюбопытствовал маленький Генри.

— Не твое дело! Каксты смешно рассуждать! Маленький мальчикам нельзя знать!

Но, главное, напирали на «эмбицию»,—поучали так:

— Молодой человек, как ты, может выйти в люди. Твой отец простой рабочий, но, ведь, ты можешь быть клерком, конторщиком—и, если ты будешь лоялен...

... Скажи мне, Генри,—сейчас, когда ты уже взрослый, самостоятельный человек,—сейчас, отглядываясь назад, вспоминая школу, вспомнишь шаг за шагом все, чему тебя там учили,—ты видишь,

«РАБОЧИЙ ОТВЕТ ПРЕВЗОШЕЛ ВСЕ ОЖИДАНИЯ» так начинается первая статья первого № «Британского Рабочего»—официального бюллетеня Стачечного Комитета английской рабочей

ты понимаешь, что тебя всячески отрывали от своего класса, что из тебя сознательно и последовательно делали штраберхера и предателя? Нет, ты этого не видишь и не понимаешь.. Гм...

Дальше,—тебе 14 лет, ты кончил школу. Отец твой уже стар—рабочий 45 лет уже стар,—он не может тебя содержать. О высшей школе тебе мечтать не приходится. Ты поступаешь в контору рассыльных... Конечно, это только на первое время, на первые несколько лет, потом ты будешь клерком, у тебя есть «эмбиция»... Но подумай, Генри, сколько прошло уже лет?.. Годы мелькают, как бредроство мелькают годы!.. А ты все еще носишь пакеты на почту, тебе все еще платят пять долларов в неделю и тобой понуждают, беже, как понуждают. Живее! Скорее! Шевелись!..

«Знания», приобретенные в школе, ты сам дополнил—чем, Генри? Ты научился танцевать все модные танцы—и от товарищей узнал адрес дешевых тайных публичных домов. Потом, когда пришло время, узнал ты также адрес дешевого тайного венерического «доктора». В приемной тайного «доктора» познакомился ты с «хорошими парнями», пожалуй, этот импровизированный клуб—венерическая приемная—самое светлое, что было в твоей жизни. Там часами или слоняясь шлюпты о стыдном—это так захватывающе-интересно!..

Как и чем ты живешь, Генри? Днем—работа. Дома—бездельно, дома—нищета. Приди с работы, ты долго и усердно переодеваешься. Непременно «по моде», непременно «как носят»,—это тебе в школе внушали, и уже из твоей души этого не вытравишь: стараться быть, как «они», во всем, даже в мельчайших деталях, подражать им. Чем такое мода? Подражание буржуазии, даже их нелепые, больные прихоти обязательно перенимат. Что такое мода? Это—«лояльность» к буржуазии. Это—стремление от своего класса уйти в чужой класс, в «высший» класс влиться. Но тут тебя в «высший» класс не пустят, Генри. Напрасна твоя лояльность.

Почти каждый вечер танцует Генри в дешевеньком—бумажными цветами убранном—рабочем танцевальном зале. В буфете грохоче мороженое. Какое жалкое подражание!

Когда нет танцев—кинематограф. Фильмы, доказывающие, что миллиардеры благодетели, а рабочие—неблагодарные. Генри, как и его отец, любит скандально-великолюбовское. Понятно: это так неподхоже на его унылую жизнь. В газете тоже ищет Генри, как и его отец, прежде всего великолюбовско-скандально-го. В танцевальном зале—о чём разговор?

— Танцовщица Тудльс подала в суд на миллиардера Вильандера, требует 75 тысяч долларов за то, что он ворвал в ванную комнату, когда она купалась...

ЗДЕСЬ—точка. Да, пожалуй, я здесь поставил точку—пока. Я еще к Генри Доббу вернусь. И скоро. Я считаю, что это серьезная и важная тема. Надо еще поставить вопрос о будущем Генри Добба, что с ним будет, чем кончится? И надо еще такую поставить вопрос: что делать с Генри Доббом, что делать—вопрос, значит, о действиях. И еще—третий вопрос: нет ли у нас, тут в СССР, Генри Доббов?

КУДА ЕХАТЬ ЛЕТОМ?

Шахта на медном руднике. (С акварели Н. Шестопалова)

ВЫ ХОТИТЕ свой летний отпуск провести в горах? Если вас не прельщает знойный Крым, если вас пугают подавляющие громады Кавказа,— отправляйтесь на наш «трудовой» «заводской» Урал. Вы найдете здесь то, что вы ищете.

Урал, Уральский хребет широко раскинулся на самой границе Европы и Азии. Начинаясь на снежных окраинах Ледовитого океана, далеко за пределами оседлой человеческой жизни, он тянется до ярких степей Оренбургского края, занимая пространство до 180.000 кв. верст, почти весь покрытый дремучими лесами, прорезанными реками и ручьями.

Раздолья, приволья, но и трудовой жизни в нем—непочтенный край.

Древен Уральский складец. В основании его грандиозных складов лежат древнейшие отложения земной коры. Неизмеримое время прошло с момента их зарождения—и прошло не даром. Глубокие долины прорезали его массивы, позволяя добраться до скровенных внутренних его частей. Давно смелись и развеяны лождями да ветром колосальные вершины—моцкие покровы из «пустых» пород—и обнажены драгоценные хранилища всевозможных металлов. Силы природы за это время хорошо успели тем или другим путем обнажить для человека богатства на Урале. Зато они и лишили его грандиозности. Старый Урал не велик, мягок и чисто веет от его пологих склонов и скалистых вершин—«камней»!

ТИПИЧНЫЙ УРАЛЬСКИЙ ЗАВОЛ и заводской поселок, лежащие в котловине среди гор, у большого пруда

Много из своих богатств уже отдал Урал человеку. Много дает он и сейчас еще больше даст в будущем, нужно только не бояться и не жалеть труда для его изучения.

Трудно даже и представить себе другой горнопромышленный район, который давал бы такое поразительное разнообразие полезных ископаемых, как Урал. Почти пять столетий вываривают уже на Урале (в Пермском крае) из ватеринную соль; около 300 лет дает он железо; почти столько же времени берут с него медь. Золото, платина, хромистый железник, каменный уголь, драгоценные камни — давно составляют предмет богатой добычи, занимающей видное место в добывающей промышленности всего Союза — и все-таки Урал далек от исчезновения.

Помимо главных ископаемых — медных и железных руд и золота — на Урале добываются во многих местах еще и марганцевые руды, сера, серный колчедан, асбест, каменные строительные материалы, мрамор, торф и т. д. Известны на нем и месторождения серебра, свинца, ртути, никеля, кобальта, цинка, графита, янтаря, различных минералов, как драгоценных, так и имеющих лишь научный интерес. А до многих драгоценностей еще и не добрались — мало еще знают старика даром, что копаются в его недрах сотни лет.

Кроме того, по добыве платины Урал делает СССР мировым монополистом этого ценного металла.

Чтобы ознакомиться с главнейши-

ми типами уральской промышленности, лучше всего поездайте из Москвы на Пермь. От Перми двинитесь на Кизел и посмотрите добчу угля или на Усолье — на соляные промыслы.

Через 11¹/2 суток езды от Москвы поезд прибывает в Пермь. Расположенный на левом берегу р. Камы, этот город очень типичен для городов Урала: тихий, пыльный и как бы сонный... 70.000 его жителей не видно, потому что все заняты фабриках и заводах, которых в Перми около 140.

Благодаря своему выгодному положению на судоходной реке, Пермь издавна является складочным пунктом различных гаваров, идущих из Сибири в Европу и обратно. Но и этого не видно по ней, — город, как всякий среднерусский город. Только татары, башкиры, пермяки и зыряне на его рынках и площадях придают ему порою иерусалимский вид.

Представляем о рудниках Урала вы получите, побывав на Кизеловском заводе, расположенным близ Перми. Он широко раскинулся на речке Кизел и имеет железоделательное и чугуноплавильное производство. Но вас не столько заинтересует завод, сколько его рудники и каменноугольные копи, открытые более 100 лет назад. Они расположены в 2—7 верстах от завода и залегают в каменноугольной формации, между глинами и песчаниками. Все они разрабатываются подземными работами на глубине 15—30 саженей и дают до 6.000.000 пуд. в год, т.е. почти 10⁷, всего уральского угля.

БОЛЬШОЙ ИНЗЕР и гора Караташ. Тип лесной растительности Южного Урала

НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

А-Н

Главная работа сосредоточена на верхнем пласте «Елизавета» толщиной в 1,2 саж. Добыйт уголь погружается на небольшую вагонетки — вагончики и откатывается ко входу в шахту. Откатка в узких ходах — штрееках — делается людьми, которые передвигают добыйт уголь по рельсам в небольших вагончиках. В более широких проходах — штольнях — откатка делается лошадьми. Одна лошадь вывозит поезд из 10 вагончиков по 30 пуд. каждый. В 8-часовой рабочий день каждая лошадь вывозит до 80 вагончиков. Длина штолен Елизаветинского пласта — 1.200 саж. Производительность ее — до 30.000 пудов в сутки. Доставленный на дневную поверхность уголь поступает на сортименточный двор, откуда уже перевозится на станцию «Кизель» по узкоколейной ж.д. Опуститесь в шахту, побудьте несколько минут там, где целые дни, всю жизнь работает каменноугольный рабочий. Мрак, слякоть, грязь, духота, промозглый холодный воздух при-

СПРАВА — СКАЛЫ
в окрестностях Симского
заповедника на Южном Урале

ИРБИТ — город Великой Ирбитской Ярмарки, лежащий на древнем тракте из Руси в Сибирь.

ведет вас в ужас, но только тогда вы поймете, что такое труд в каменноугольных копях. Без этого все слова только останутся словами и «что стоит пуд каменного угля», сколько крови, здоровья и жизни — вы из этих слов так и не поймете...

На уральский уголь, к сожалению, он обладает хорошими качествами и потому в мирное время он шел только на металлургическую промышленность самого Урала, на нужды железной дороги да судоходство по р. Каме. Незначительную часть Уральского каменного угля потребляют, впрочем, еще солеваренные заводы.

Кроме Кизеловских копей в экскурсию хорошо еще заглянуть в с. Усолье —

центр Камских соляных промыслов. Добыча здесь ведется при помощи паровых машин, выкачивающих из колодцев глубиной от 40 до 400 сажен крепкий раствор соли. Раствор этот снаряжен под сушиват, пропуская через кучки хвороста в особых гидринах, а потом выпаривают в огромных сковородах «пrenaх». Ежегодная выпарка соли превышала в мирное время 20.000.000 пудов.

Пермская соль широко распространялась как в самом районе, так и по всей России. Она сплавлялась по Каме на Болгу, оттуда шла на снабжение сольных центральных губерний. Кроме того, шла она далеко на север в Печорский район

Вид на уральском заводе. (С акварели Н. Шчепетилникова)

ГАРМОНИ

Напоминает много прошлого,
И дым, и голод, и огонь,
Моя лысина, хорошая,
Моя веселая гармонь.

Пропала мой ведеc, трехрядная
Как мой наган и первый конь;
Ах, ты была, гармонь отрада моя,
Красноармейская гармонь.

Мышли проселками и селами,
Зареки ранней и в закат;
Ты пела песни развеселые,
Неунывающие солдат.

И в почки отыха, ядренные,
Под звуки мылья твои,
Мы пели песни про Буденного,
Про большевицкие бои.

В чужих домах, на подоконниках,
Где был приезд и бой с врагом,
Звенела буйная гармоника
О прохождении.

Теперь лишь только ночь просится
Немуя нет затяга,
Уж под руки, в песню просится,
Гармонь веселая моя.

Но как подумать — припомнится
Кипевшийшей былой огонь...
Звени, вызванивая, любовница,
Моя хорошая гармонь.

Борис Скорбин.

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Разметгали горные стени.
Лысые сопки зеленые чумы.
Ветер кусок пахучую треплет,
Расплетает курчавому дыму.

Паровоз улыбается сталью,
Громыхает уверенным шагом.
За зеленою сопочкой далью
Многое места железнодорогам.

Поезд мчится стекловым зноем,
Версты слагут и скажут обратно.
Через тысячу, что ли, открытоем
Крыши сосновых смольные полотна?

Зелены в косогорах и падах
Перерезаны каменным ливнем.
Реки, бурно гремя, водопадят;
Только нет ни жилья, ни деревни...

Гавр. Саянски

нет в этих местах и той исключительной сухости воздуха, которая свойственна Уралу. Старик слишком далек от всех океанов и морей, которые на Западе и в Крыму одевают всю природу полупрозрачной мглой. Поэтому он и чист и прозрачен, как хрусталь, и вечно манит к себе всякого, кто хоть раз побывал в его отрогах, среди гор и долин.

Побывайте — не пожалеете!

Примечание. Организацию экскурсий берет на себя Экскурсионное бюро Наркомпроса (Арбат, Спасопесковский, 3). Стоимость экскурсии (14 дней и дорога) 62 руб.

НА ВОДЕ ЛЕТОМ

Б. ВАССЕР, снимки З. ЧЕБОТАЕВА

рад все ж урвал малую толику средств и потрасти бассейн, который посещается тысячами ограбленников и комсомольцев.

Нам предсклоняют теплое солнечное лето, — вспоминаем друзей и используем его в открытии плавания.

ашим лозунгом должно быть: «Ни одно не умеющее плывет!». Этого удвою добиться,

расценивая плавательный спорт с двух точек зрения:

таких, как чрезвычайно ценный фактор социальной культуры, действующий оздоровляюще и укрепляюще на организме.

Быть может, как скромные борцы с тяжелым бедствием, устремлены на воду?

Прежде чем говорить о самом плавании, мы остановимся на одной игре на воде, так называемой «ватерполо», — игре, которая пользуется чрезвычайной популярностью за границей.

Поля ясно отмечаются две черты: одна на расстоянии двух метров от края ворот (штрафная), другая — 4 метра (линия «вне игры»).

Для того, чтобы во время игры можно было легко узнати игроков каждой команды, на головы игроков одеваются шапочки; одна команда имеет белые, другая — темно-синие. Эти шапочки делаются из тонкой материи, плотно облегают голову и завязываются под подбородком. Следить за игрой назначаются судьи: один главный, двое — у ворот и один секундист следят за временем.

Игра ведется 2 раза по 7 минут с перерывом в 3 минуты.

Игра происходит таким образом: игроки входят в воду, лежат на воде, держась за центральную линию. Главный судья, стоящий сплошь на боковой линии, подстегнувшись, что обе команды готовы, дает сигнал и непосредственно после этого бросает мяч в воду, стараясь попасть на самую середину поля.

Задача обеих команд, как и в футболе, — стараться удачной расплывкой и комбинацией попасть в ворота противника мячом и, таким образом, сделать «гол», не отступая при этом от основных правил игры.

В начале игры или после перерыва «гол» будет засчитан лишь тогда, когда до мяча долетит кистью рука по меньшей мере двух игроков одной и той же команды, при чем бьющий в ворота должен находиться от атакуемых ворот на расстоянии полполя, или же до мяча должен долететь кистью по одному игроку из каждой команды. Мяч может быть введен в ворота рукой, головой, ногами, прыжком, от вратаря противника — не считается. Ошибками в игре считаются: долетающий до мяча обеими руками одновременно, держаться за борта поля, перекладины ворот, участвовать в игре, стоя на дне или долгоравиваясь до него во время игры (это не относится к вратарю), держать мяч над водой, отталкиваться от дна или бортов во время прыжков за мячом (при начале игры это разрешается), держать и тащить обратно противника или отталкиваться от него, толкать и ударять противника ногами, плыть, держа мяч в руках. Вести перед собой или толкать мяч разрешается, но поднимать, носить, подносить его под воду или касаться его сверху или снизу не кисть, а рукой — нельзя.

ПРИЯЖКА В ВОДУ: СЛЕВА — пловец стал в исходное положение; СПРАВА — тело получило толчок и вынырнуло в воздухе

ВВЕРХУ — СТАРТОВЫЙ ПРИЯЖКА в воду, которым берется старт при состязаниях.
ВНИЗУ — ВАТЕРПОЛО: моменты ожесточенной схватки за мяч

НЕСМОТРЯ на то, что СССР покрывает сетью рек, большинством количеством озер, у нас среди населения вкоренилась канси-го водобоязнь.

А статистика ежегодно дает колоссальный (несколько десятков тысяч) цифру погибших в воде, кроме многих тысяч вытащенных из воды, но погибших за неумение подать им первую помощь. Между тем, за границей на это дело смотрят совсем иначе.

Как там подходят к этому делу?

Огромное количество плавательных станций широко открывают свои двери для населения. Организация больших показательных выступлений и спортивных групп, в которых участвуют в плавательных кружках. В школах плавание вводится как обязательный предмет обучения.

Не слад зачета по плаванию в школах начинаются, долго приобщению на воде и приемам спасения утопающих — не дают выпускного свидетельства.

Занятия по плаванию в школах начинаются уже с малышами. С детства ребята приучаются не бояться, а любить воду.

Мало этого. И в зимнее время работы не прекращаются. На Западе имеется большое количество специальных бассейнов, оборудованных для масштабного обучения начинаящих.

В одном Берлине около 20-ти крупных бассейнов.

А у нас?

Даже в Москве нет своего бассейна.

Нам надо поставить вопрос о постройке хоть одного вместительного бассейна. Ведь Ленин-

останавливается мы на ватерполо потому, что участник, игравший в нее, совсем не должен обладать «классический» умением плавать, а то должен хорошо держаться на воде, быстро двигаться, вертеться (и легко) во всех положениях, быть ловким, смелым и подвижным. Ватерполо — это что-то вроде футбола на воде.

Игра весьма простая, по правилам не требующая сложных приготовлений — она должна завоевывать себе прочное место в СССР.

В игре в ватерполо участвуют 2 команды, по 7 человек в каждой (в крайнем случае допускается команда в 5 человек). Каждая команда состоит из 5 игроков («одну»), защитников и трех («двоих») нападающих.

Полем является прямоугольник «площадь воды». На двух концах прямоугольника ставятся ворота. Они укрепляются на расстоянии не менее 30 саж., от концов бассейна или всякого другого препятствия. Расстояние между стойками делается в 3 метра; первая перекладина находится на расстоянии 1 метр, над поверхностью воды. К стойкам ворот и к верхней перекладине прикрепляются сетки таким образом, чтобы охватывать всю площадь ворот, при чем расстояние между сетками и воротами должно быть не менее 30 сант. Расстояние между двумя воротами делается не менее 20 метр, и не более 30 метр. Ширина — от 15 до 20 метр. Глубина поля должна быть не менее 1 м. 50 сантиметров.

Для игры употребляется мяч, обтянутый кожей, круглый и хорошо надутый, окружностью от 67 до 71 сант. Мяч должен быть непромокаем, не иметь выдающихся швов. По обеим сторонам

Эти ошибки, если они не совершаются играющим нарочно, не караются сильней строго. Они лишь за совершение которых дается свободный удар в сторону партии, игрок которой пропинился.

Но есть ошибки, которые считаются умышленными, за которые судья присуждает пропинившегося к выходу из воды.

Это — когда игрок начинает плыть до сигнала, умышленно брызгаясь в лицо противнику, толкая его, если у него в это время нет мяча, ударяет по мячу кулаком и т. д.

Штрафной удар — это, если умышленно нарушение правил дается в случае, если это совершиено в пределах 4-х метров от вратаря. Штрафной удар, который бьется с 4-х метров от ворот, никто из игроков, кроме вратаря, задержать не имеет права.